



Посвящается  
Ивонн Фрэнсис Сэмворт, моей маме

Там, где это было необходимо, имена были изменены,  
чтобы защитить невинных, а иногда и виновных.

# СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
1. Доброе утро, судья	14
2. Нахальные детишки	30
3. Сага о самогоне	48
4. Стрэнджуэйс, жди меня	56
5. Тюремный роман	71
6. Однажды в блоке	88
7. Заприте все двери	107
8. Печальное Рождество	126
9. Черно-белый город	138
10. Рожденный от фрустрации	149
11. Каждый день причиняет боль	161
12. Я хочу, чтобы меня обожали	175
13. Солянка из наркоты	188
14. Может быть, это магия?	210
15. Воздух, которым я дышу	218

16. Изоляция	228
17. Этот очаровательный мужчина	237
18. Отбросы общества	250
19. Потеря контроля	258
20. Шаг вперед	269
21. Пустота внутри	277
22. Трагедия	285
23. Не оглядывайся назад во гневе	292
Благодарности	303

## ПРОЛОГ

**Н**адо отдать ему должное: он был не просто преступником, но и поджигателем. И, как и я, он был из тех, кто сделал карьеру в тюрьме — только по другую сторону решетки.

Его звали Томас Райли, и своим поведением он вредил себе больше, чем кто-либо другой. У него была тяжелая жизнь, и это было заметно. Серийный поджигатель, полубезумное существо, которое никогда не выйдет на свободу, он был отправлен в больничное крыло. Вспомните Голлума из «Властелина колец» — только Райли был еще уродливее.

Он был из тех заключенных, которых легко возненавидеть, из тех, кто постоянно думает о мести. У Томаса Райли было несколько историй с пожарами в камерах, и однажды он причинил себе серьезный вред. Он завязал спортивные брюки на лодыжках, наполнил штанины сахаром и поджег. Сахар, конечно, растаял — как и икроножные мышцы Томаса. Он не мог ходить целую вечность, и это делало его еще более жутким. Райли не столько говорил, сколько кричал. Когда-то он, должно быть, был чьим-то сыном, чьим-то малышом, его любили, водили в парк и все такое. А сейчас он был здесь, чухлое гребаное нечто.

Пожары в камерах — это реальная проблема в каждой тюрьме, и Стрэнджуэйс не исключение. Чаще всего это происходит в изоляторах, там, где содержатся наиболее неблагополучные заключенные, хотя некоторая доля пожаров приходится и на медицинское отделение. Я уже некоторое время работал в больничном крыле и научился справляться с психически больными заключенными, которые в основном и наполняли это место. Большинство поджигателей камер не собираются кончать с собой — это манипу-

ляция. Они просто хотят причинить сотрудникам тюрьмы как можно больше неприятностей.

В тот день я был на ночном дежурстве и почувствовал, что с Райли что-то не так. Он казался еще более странным, чем всегда, словно одержимым чем-то, поэтому я на всякий случай положил шланг вдоль пола его камеры. По ночам в медицинском отделении свет выключают, и, как только мы это сделали, заключенный врубил музыку. Он часто не ложился спать часами. Через некоторое время я начал думать, что музыка слишком громкая, а еще мне не нравилась песня, которую он выбрал. У него вовсю гремела песня Firestarter<sup>1</sup> группы The Prodigy, а я больше люблю Def Leppard. Я заглянул в маленький стеклянный люк в его двери. Конечно же, он был там, беснуясь и танцуя, как Кит Флинт<sup>2</sup>.

— Бу-у-ум! Я — зачинщик неприятностей, панк-подстрекатель...<sup>3</sup>

Парень по-настоящему увлекся. В руке у него была зажигалка, и, пока я смотрел, он наклонился и щелкнул ею — сигнал, которого я ждал. Я приоткрыл люк и вставил туда конец шланга.

— Томми, — крикнул я, но он меня словно не слышал. — Томми!

Края его спортивных штанов вспыхнули, затем пламя перебралось на футболку.

— Томми!

Наконец он откликается и оборачивается как раз в тот момент, когда струя воды бьет ему в лицо.

---

<sup>1</sup> Игра слов: firestarter можно перевести как «подстрекатель» и «поджигатель».

<sup>2</sup> Кит Чарльз Флинт — вокалист и танцор британской электронной группы The Prodigy, песня которой звучит в тот момент.

<sup>3</sup> Строчка из песни Firestarter: I'm the trouble starter, punkin' instigator.

Кит все еще пел какое-то время — по крайней мере, минуту, — но Райли замолчал. Он больше не танцевал. Он стоял лицом ко мне, с зажигалкой в руке, промокший до нитки.

Вверх и вниз летели брызги, а он смотрел на меня, кипя от злости. Я поливал камеру, пока все остальное не стало таким же мокрым, как и он. Я даже направил шланг на этот его долбаный магнитофон и облил тоже. Это вырубило наконец The Prodigy.

Хорошо поработав, я закрыл люк и вошел в кабинет, где сидела медсестра, занимаясь бумагами.

— Пожар в камере, — сказал я, и она тут же вскочила. — Не волнуйся. Разобрались.

У нашего Голлума все еще была зажигалка, но поджигать было нечего. После такого происшествия нужно было периодически проверять его — пять раз в час мы должны были заглядывать к нему.

Зимой в камерах под утро становилось холодно, и около трех-четырёх часов Райли нажал на кнопку звонка, и я пошел его проведать..

— Все в порядке, Томми?

— Черт побери, мистер Сэмворт. Я тут замерзаю до смерти.

— Ну, парень, если ты снова собираешься поджечь себя... Хочешь свежее постельное белье?

Да, он хотел, еще бы.

— А как насчет зажигалки?

Он протянул ее мне.

— Хочешь чая, Томми? — предложил я.

— Ага, — сказал он и добавил с сарказмом: — Пожалуйста.

Ничто и никто не сможет полностью подготовить сотрудников к пожарам в камерах. В тюрьме много больших страшных людей, но, когда вспыхивает пожар, это еще страшнее.

Еще был парень, которого перевели к нам из тюрьмы для особо опасных преступников Уэйкфилд, или, как ее

еще называют, из «Особняка монстров». В Уэйкфилде заключенных содержат дольше и в более спокойной, если так можно выразиться, обстановке, чем в Стрэнджуэйс, а само учреждение отличается высоким уровнем безопасности. Это, должно быть, похоже на приезд из монастыря в ночной клуб — огромная перемена. Этот парень явно не был этому рад. Пробыв здесь всего полдня, он поджег телевизор и, завернувшись в мокрые полотенца, спрятался под кровать. Крыло наполнилось дымом. Я уже сдал смену, так что услышал об этом только на следующий день.

К счастью, все потушили, а его вытащили. Наказание для него выбрали довольно необычное. Инцидент занесли в его личное дело, а отчет направили в полицию, как это всегда бывает в серьезных случаях. Было довольно неожиданно, но за дело взялась Королевская прокурорская служба (КПС). Пожары в камерах — это всегда очень неоднозначные дела, и каждый второй случай, который я видел, расследовался своими силами. Этот парень стал первым заключенным, когда-либо получившим пожизненный срок по видеосвязи. Он и до того случая был приговорен к пожизненному заключению, но в реальности люди с пожизненным сроком, конечно, не проводят в тюрьме всю жизнь.

САМОЕ КОРОТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ЧТО Я ВИДЕЛ, — ЭТО ВОСЕМНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ; НО ЧАЩЕ ВСЕГО «ПОЖИЗНЕННЫЕ» СРОКИ ДЛЯТСЯ ОКОЛО ТРИДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ.

Теперь же ему действительно грозило провести в тюрьме всю жизнь.

В настоящее время в британской тюремной системе находится около 400 заключенных, которые никогда не выйдут на свободу. Популярный миф о том, что их всего пять, — это ложь. Некоторых хотят запереть навсегда. Убийцы Ли Ригби всегда будут угрозой, наши поджигатели тоже. Это не просто хулиганская выходка. В крыле было более 200 че-

## Пролог

ловек — персонал и заключенные, — чьи жизни он мог бы оборвать.

Сообщения о серьезных происшествиях в тюрьме, нападениях с ножом, пожарах в камерах, метании мочи, даже плевках регулярно поступают в КПС. Тем не менее расследуется далеко не все.

То, что происходит в тюрьме, остается в тюрьме. Однажды мне сломали челюсть — никакого расследования.

Некоторые думают, что офицеры в тюрьме только и ждут, чтобы подраться, — ну, это чушь собачья. Я, конечно, 180 см ростом и вешу 110 кг, но далеко не все могут похвастаться такими данными. Тюремный офицер — это просто государственный служащий.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ В ТЮРЬМЕ – ЭТО ИСТОРИЯ СТОЙКОСТИ И АГРЕССИИ В СРЕДЕ, ГДЕ МАЛО КТО ОСМЕЛИВАЕТСЯ ПРОСИТЬ О ПОМОЩИ.

Британские тюрьмы катастрофически страдают из-за нехватки финансирования и подлинной воли к переменам, если только под этим вы не подразумеваете вмешательство бумагомарателей, счетоводов и политиков, которые никогда в жизни не сталкивались с тюремной реальностью и обделались бы от страха, если бы их когда-нибудь попросили сюда явиться.

Ярость. Я знаю все о ярости. Я видел ее постоянно, когда поступил на службу в тюрьму, и это то, что было во мне, когда Стрэнджуэйс пережевывал меня и выплюнул. Работа в тюрьме делает это со всеми. В Британии не только камеры затягивает дымом — это касается всей тюремной службы. И, пока мы всерьез не займемся тушением огня, всегда есть опасность, что он вырвется из-под контроля.



## ДОБРОЕ УТРО, СУДЬЯ

**Т**ам, где я вырос, всегда был шанс стать преступником — просто в силу того, что тебя окружает. Среда сильно влияет на человека. У меня были друзья, сидевшие в тюрьме, — не все они были плохими людьми. Они совершали плохие поступки, но часто именно среда приводила их к этому. Когда-то, еще подростком, в Шеффилде я сам несколько раз сталкивался с законом. Всего лишь драки по ночам, ничего серьезного — кулаки, а не ножи или избивание людей, лежащих на земле. В подростковом возрасте я ничего так не любил, как отчаянную драку, и четыре раза попадал в суд. Каждый раз нужно было предстать перед судьей, извиниться и получить предупреждение и штраф в 80 фунтов (примерно 8000 рублей).

Несколько лет назад я встретился с компанией старых приятелей. Они знали, что я тюремщик, и изводили меня этим всю ночь. Ближе к закрытию бара они сказали, что собираются докопаться до двух других парней, которые сидят за нами, и предложили мне выйти оттуда. Заметка об этом случае попала на первую полосу The Sheffield Star.

**[** ОДИН МОЙ ЗНАКОМЫЙ ТОРГОВАЛ НАРКОТИКАМИ. ЕСЛИ БЫ Я ХОТЕЛ УПОТРЕБИТЬ, НО У МЕНЯ НЕ БЫЛО ДЕНЕГ, ОН ЗАПРОСТО СКАЗАЛ БЫ: «ЗА МОЙ СЧЕТ» **]**

Я так не делал, но это был не вопрос морали. Мне просто не было интересно. Я однажды тоже чуть не попал по полной.

Однажды вечером, вскоре после того, как меня выгнали из старшей школы, мы с приятелем выходили на улицу, когда подъехал «Ровер» 2000 года. Парня за рулем мы знали уже кучу лет.

«Может, вас подбросить?»

Стоило нам отъехать, с другой стороны улицы появилась полицейская машина, и внезапно мы начали удирать от нее; он гнал, как ненормальный. Только тогда до меня дошло, что машина не его. К счастью, тот парень высадил нас до того, как его нагнала полиция. За угон он получил тюремный срок. Друзья и знакомые становятся жуликами, головорезами и наркоторговцами — такова жизнь.

В последний раз, когда я попал в суд, вот в чем было дело: меня арестовали за драку, а потом обвинили в бродяжничестве: в тот день я отдал последние 20 фунтов (примерно 2000 рублей) приятелям, чтобы они могли купить нам карри. Я уже бывал у этого судьи, и он назвал меня проблемным ребенком, хотя мне только что исполнился двадцать один год. Он послал меня к врачу, который сообщил, что я «абсолютно сумасшедший», — между безумием и гениальностью огромное расстояние, заметил он, — и сказал что не уверен, на какой я стороне.

Во всяком случае, я больше не попадал в суд — главным образом потому, что меня никогда больше не ловили, а к двадцати пяти годам и вовсе успокоился. К тому времени я уже направлял свою агрессию в регби.

Я ХОРОШО УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ, ХОТЯ И НЕ НАВИДЕЛ ЭТО МЕСТО. ТОЛЬКО ИЗ-ЗА РЕГБИ Я ДОТЯНУЛ ДО СТАРШИХ КЛАССОВ, ПОКА МЕНЯ НЕ «ПОПРОСИЛИ УЙТИ».

Это было справедливо: там я был не к месту. Я жил ради регби. В семнадцать лет я начал играть за «Шеффилд Тайгерс Кольтс» и со временем, после того как из меня выбили все дерьмо, приобрел определенную репутацию. Однако в двадцать с небольшим я начал набирать вес и дошел